

Диана Чайковская

ТЕРНОВИЙ ПУТЬ

Там, где нечисть — по соседству

Диана Чайковская

Терновый путь

Серия «Славянская мистика»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74303266
Терновый путь. Роман: АСТ; Астрель-СПб; Москва; 2026
ISBN 978-5-17-182959-9

Аннотация

В краю чаш, золотых полей, рек, в краю, пропитанном духом казачества и воли, стоит деревня Терновка, а в ней живёт знахарка Акулина, что отваживает мавок по весне, помогает упокоиться утопцам, спасает детей от повитрули, укладывает в могилы упырей и гонит людское горе за околицу.

Только порой в Терновке добро злом оборачивается, а люди, хворые и хмурые, сами рады нечистой силе, ведь та иногда несёт благо и избавляет от мук.

Содержание

Часть I	6
Пролог	7
1	9
2	15
3	21
4	28
5	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Диана Чайковская

Терновий путь

Роман

© Диана Чайковская, текст, 2026

© Юлия Миронова, илл. на обл., 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

* * *

– Расскажи ещё одну сказку!

– И какую же?

– Не о зле и добре – о людях, и наивных, и не очень, с выбором и без выбора, о сердцах и нитях, из которых ткуются их души.

– Ох, такая сказка ляжет тебе на плечи тяжестью, глянет в лицо очами тёмными – вмиг забудешь, как звали! Ну да ладно, слушай... Мавка

Часть I

Мавка

Пролог

В краю, где чаша соприкасалась с золотыми полями, где широкими синими лентами стелились реки, где витал ещё дух казачества, а вольные крестьяне перемешивались с одноплеменниками, смотрели в чёрное, почти беззвёздное небо хаты Терновки – мелкой деревни, что затаилась в глубинке. Не касались её ни потрясения, ни загребушие лапы жандармов, ни царские указы. Тропка, что вела к ней, – и та порой терялась и кружила случайных путников вдоль полей и перелеска, а порой и вовсе заводила к ельнику, где водились оплети, жаждущие человеческих объятий и тёплой человеческой плоти.

Темень разлилась по Терновке такая, что за порог было страшно выйти, даром что расцветало лето, а вместе с ним – первые посевы. Разогнув усталые спины, крестьяне расселись по домам, закрыли ставни и, перекрестившись, легли спать с надеждой, что нечисть обойдёт плетни стороной, не тронет ни мужиков, ни детишек, ни баб, ни – чтоб им славно жилось! – куркулей, жадных до звона монет.

Спала и семья Ковалей в своей мазанке, устав от праведных трудов. Ещё бы: солнце жарило с утра до вечера, а в кузне и без того жаром палило так, что на раскрасневшейся коже проступали порой волдыри. Похрапывал на полатах Гриц Коваль с женой Дарьей, сопели за занавеской недавние молодожёны – вернее, Богдан-то видел десятый сон, а Оксана,

что ещё месяц назад была невестой и ходила между живыми и мёртвыми три дня, едва слышно привсталала, сняла с шеи крестик, оставила его в постели и прокралась к порогу. Затем, встав спиной ко двору, лицом – к двери, заговорила:

– Встану, не помолясь, пойду, не перекрестясь, из хаты во двор, с двору – в поле, а на поле ветер гуляеть, а на поле трава поёт, а на поле дуб стоять, а под дубом камень лежить, а в камне том сыла тёмна, сыла тайна. Бери меня, та сыла, бери да неси за двор и поле, за реку да в чашу.

А затем сняла рубаху и побежала – за плетень, за поле, туда, где высились тёмно-зелёные кроны, где ухали совы, неся на своих крыльях беду и непокой, туда, где цвела лесная опушка, а вокруг неё прогуливались дочери да сыновья Лесовика.

Когда пришло время весне встретиться с летом, закончилась первая посевная. Приняла мать черна земля просо, овёс и лён, обещая дать щедрый урожай, а пока вылезали из под-земья сорняки, расползались и плодились не по дням, а по часам, вынуждая простой люд гнуть спины с раннего утра и до тех пор, пока солнце не закатится за тёмные лесные кро-ны, стоящие вдалеке. Всякий знал: с покровом мглы вылеза-ют лесные стражи, просыпаются полевики и кружат, бродят, гуляют да потешаются над всяким, кто посмеет вылезти за порог или отозваться на стук в окошко.

Но то не горе, а так, капля, нужная и деревне, и чашам, и рекам. Что от нечистой силы, что от сорняков была поль-за, особенно знахарке Акулине. Заговорив поле, она высво-бодила брюхо матери чёрной земли от ненужных ей трав и набрала целый подол пырея, лебеды, будяка, лопуха, куль-баб да поранника. Смотрела на ещё не пробившийся кустик крапивы, долго, с прищуром, а потом поняла – никуда не де-нется, как начнёт расти, появится побольше листьев, и тогда можно будет сорвать, а лучше – выкопать и посадить возле окна.

Жизнь Акулины была не тяжёлой, но и не святочной – простецкой. В хате всегда находилась краюха хлеба, размоченная в молоке, или мука с мёдом да борщ с мясной костью.

Добрые люди приносили, благодарили за труды и за спиной показывали дулю или шептали заговор, думая, что она не слышит, даром что Акулина – не ведьма, не вештица и уж тем более не волколак, хотя бабка Килина, давшая ей кров и имя, до безумия того желала, кричала: «Забери! Положь на грудь руку, прими дар!» – да так и померла десяток вёсен назад, когда мужики разобрали крышу. Не приняла Акулина подарочка – зато хорошо знала, что полынь защищает от мавок и полёвок, а кульбаба вычищает и нутро, и душу, позволяя всякой гадости уйти в землю да там и остаться.

Крестьяне, встречая Акулину, то крестились, то молча проходили. Впрочем, некоторые здоровались, а детишки... – Сходить в церковку, баб Кылыно! – кричали мальчишки.

Матери тут же шикали на них и уводили подальше – от порчи, сглазов и прочих проклятий, которыми могла одарить всякая ведьма. Ну и пусть! Оно ведь проще, когда боятся, не лезут, а любой мужик платит щедро, хоть те же куркули, жадные до добра и вынуждавшие простых батраков работать вдвое, а то и втрое больше. На куркулей Акулина тоже смотрела настороженно, пытаясь понять: какой ещё беды дожидаться от них? Нагребли чужой земли, разжились своим полем – а дальше чего? Не захотят ли всех вольных поработить и принудить к большому труду?

С этими мыслями она брела к своей хате. У плетня её уже дожидался Богдан Коваль – высокий, добрый парубок, что

трудился в кузне отца и раскалял железо, пока пламенные духи давали побольше жару, а по вечерам остужали стены и следили за тяжёлыми молотами.

– Здравствуй, баб Кылыно! – Богдан низко поклонился ей.

– Здравствуй, – неохотно отозвалась Акулина, а затем пропустила нежданного гостя за плетень, за порог, так, как должно.

Потоптавшись, он сел на лавку, пожевал губы – видать, не знал, с чего начать. Неужто Ксанка прихворала или с Дарьей что случилось? Только ведь свадьбу отгуляли, с церквушки проводили и выдохнули с облегчением, мол, жива-здоровая невеста, миновало её лихо. А оно вон, затаилось, значит-ся, да напало, когда никто не ждал.

– Што с ней, с Ксанкой-то? – Акулина села рядом, посмотрела, как вытягивается лицо Богдана. Тот, видать, не ожидал такой прозорливости. Сейчас будет что-то про ведьмовство рассказывать.

– Как в воду глядишь! – изумился он. – Пропала моя Ксанка! Просыпаюсь спозаранку – а нету! Ни в поле, ни в огороде – нигде! Только ночью вернулась да не жива. – Богдан выпучил карие очи, и в них заиграл такой страх, что сердце Акулины поневоле ёкнуло. – Выла страшно! Я глядь в окно – а там вона, бледнущая, а со спины, – он прикрыл рот рукой, – всё видно, что там, за хребтом, в животе! Глаза пылают – страх! И воет, воет, да и в голове!

Богдан схватился руками за голову и скукожился, пре-

вратившись в чёрно-белый ком. Поверх истрёпанной свитки болтался крестик – и то хорошо. Значит, не уведёт его мавка, если не пойдёт по собственной воле. Вот только чего саму Ксанку-то в лес потянуло? Кто её надоумил? Она ведь при хате, при муже, да и Дарья-то не худшая свекруха, без дела кричать не станет, бить – тоже.

– Дождь Купалы, – спокойно сказала Акулина, а затем метнулась к печи, ища полынь да верёвку потоньше: нужно оберег дать, а то ведь рано или поздно уведёт.

– Мне батяка другую сватает, Катерину Радько, – покачал головой Богдан. – Негоже мужику без бабы по весне-лету ходить. Так она, Ксанка-то, и к ней, к Катерине, стала ходить!

Акулина нахмурилась. К чему такая спешка? Погоревал бы по-людски – а там к осени бы свадебку сыграли. Неужто грошей у Ковалей стало мало? А может, с житом не справляются – решили взять ещё одну невестку как раз к началу сенокоса? Это больше походило на правду.

– А как мне быть, когда она ходить, стучает то мне, то Радькам: «Тук-тук, тук-тук!», а потом: «Агу-у! Агу-у!» – скрипучий голос пронёсся по хате.

Вот ведь беда, а! Придётся с мавкой разбираться: то ли задабривать, то ли изгонять, а как – неведомо. Она ж не уйдёт, пока своё не возьмёт или не спляшет с живыми девками при купальских кострах. Задумавшись, Акулина всучила Богдану подвешенную на верёвке полынь и наказала:

– Носы у креста. А про мавку подумаю.

Разгоралось за окном рассветное солнышко. Вышел Богдан за порог, поклонился, пообещал принести крынку молока да «чего побольше», если Акулина справится с мавкой – да и был таков. Принесёт ли – неважно, до того ей дела не было: слишком коротка людская память, а благодарность – ещё короче, а вот спасти и его, и Катерину всё одно придётся. Тем более... Где это видано, чтобы мавка ходила к новой невесте? Ладно муж, родная кровь всё же, а она – к чему? Неужто Катеринка поворожила и сама Ксанку сгубила? Ох, нечистое дело!

Акулина сложила травы, новые – к старым, перебрала их ещё раз, оставила домовому немного вчерашней похлёбки под печью и принялась думать думать. Чем больше думала, тем сильнее понимала: надо идти в гости к Радькам, побалагурить с Катериной. Может, она чего знает, а если знает, то ей, Акулине, врать не станет.

По небу расплескался калинов сок, потихоньку исчезая и превращаясь в белое молоко. Оно обрастало овечьей шерстью, становилось тягучими облаками, обещая то ли дождь, то ли скорую прохладу. Радьки наверняка работали в поле, как все добрые крестьяне, значит, придётся выждать вечера.

А пока – к соседям, что жаловались на хворую корову. Проверить, не сидит ли в ней кто, заглянуть в глаза и уши, посмотреть брюхо, как обещалась. Отбросив мысли про Ковалей и их беду, Акулина принялась переплетать травы, ко-

торые могли бы ей понадобиться, и складывать их в тёмный мешочек, доставшийся ещё от старухи Килины.

Когда солнце принялось кутаться в зелень крон, а полёвки вышли на вечернюю охоту, размахивая острыми серпами, Акулина перевязала тёмно-русые волосы, в которых уже виднелась проседь, синим платком и вышла из хаты.

Деревня, оживлённая, полная слухов и выкриков, шумела. Люд почестнее шёл к церквушке, что стояла у околицы и обороняла от нечистой силы, правда, всё больше за счёт крупных кулаков попа Михайла – тот гонял и чертей, и мавок, и ведьм из соседних деревушек, что не чурались храмовой ворожбы. Люд побогаче заворачивал к реке вместе с крепостными – покупаться да постирать, пока не стемнело.

Мазанка Радьков стояла как раз неподалёку от церкви – всего-то десяток шагов. Акулина неспешно прошла вдоль оплетней, заметила Катерину, что возвращалась от Христовой обители, и окрикнула её:

– Здравствуй, Катерино!

– И вы здравствуйте, баб Кылыно, – голоском-ручейком отозвалась Катерина.

Бледная, сгорбленная, она впустила Акулину в хату, затем оглянулась – не следит ли кто? – и заперла дверь. Внутри было пусто и тихо, будто неведомое лихо протопталось по полу, задело красный угол, испоганило печь, а после упорхнуло через трубу творить гадкие дела дальше. Впрочем, с Радьками

никакого горя пока не случилось – видать, пошли на службу.
– Можеть, угостить вас чем? – ласково спросила Катерина. – Мы вчера борща наварылы, а спозаранку тесто на пироги поставылы...

Акулина оборвала этот птичий трепет суровым взглядом. Всмотрелась в чёрные глаза Катерины, в шею, где виднелся крест и ничего больше, бросила взгляд на ладони – ни трав, ни земли под ногтями, сплошь рубцы от долгой полевой работы. Нет, не ворожила она, не привязывала к себе Богдана, иначе бы обвешалась оберегами и ходила ни жива, ни мертва. Ан-нет – горели её очи, как у всякой девки вёснами.

– Ксанка ходыть? – спросила Акулина.

Тут-то Катерина не выдержала – трижды перекрестилась, а затем – в слёзы. Забыв про всякий стыд, бросилась на колени, уткнулась лицом в Акулинин подол и стала сказывать:

– Ходыть! Ходыть! Отут, – указала рукой на окно, – встанеть и кричить, кричить! Мама уже и смотреть так, что страх за душу хватает, думаеть, я с Богданом гуляла, когда Ксанка жива была, а я, – она подняла лицо, в черноте глаз плескался ужас, – и не смотрела в его сторону! Лишь к храму, да в поле, да в огород!

Мать Катерины, Хрыстя Радько, и впрямь следила за дочкой не хуже злого духа – не пускала ту на вечерние игрища и горбилась в поле рядышком, чтоб никто не вздумал про-

красться через жито и схватить за край рубахи. С такой не разгуляешься – сожрёт раньше, чем добрые люди расскажут.

– Верю-верю, – Акулина погладила Катерину по белым волосам. – Не хочеть Ксанка Богдана пускать, не хочу с новой долей жить, от оно што.

Не летал дух ворожбы по хате, не цвёл он и в огороде, не скрёбся и в сердце Катерины – лишь домовый вздыхал за печкой, и Акулина чуть ли не кожей ощущала его испуг. Ещё бы! Страшно, когда мёртвая девка вокруг ходит, лезет внутрь, со свету пытается сжить.

– А знаете, што? – вдруг оживилась Катерина. – Оставайтесь на ночь у нас, баб Кылыно! Может, она вас спужается!

– Если мать добро дасть, – ответила Акулина.

Было б хорошо самой поглядеть на Ксанку, понять – жива ли внутри неё память, помнит ли, что была женой? А чего ушла в лес, что забыла среди горьких толстых корней и первоцветов? Ни грибов, ни ягод, да и земля ещё сырая, холодная.

Гулко прозвенел церковный колокол, тяжёлый, медный. Михайло, помнится, грозился его на головы мальчишкам надеть, если те надумают посреди ночи в храм забраться да свечи покрасть. Через миг гулу вторили колокола поменьше, звонкие-перезвонкие. Разгоралась вечерняя служба, грозя вот-вот закончиться, – и стихла-таки, выпустив люд из тесных стен на улицу.

– Я б тоже сходила, но тогда не успею замесить. – Кате-

рина виновато улыбнулась, метнувшись к печи. – Оно, та хочется, та тогда не всплюсь, буду в поле очи к земле клонить.

– Знаю, – произнесла Акулина. – Задля доброй жизни не надо у храма выться. Если нечисть схочеть – схватить и не глянуть, молилася ты в ночи или нет.

Зря сказала – Катерина перепугалась и тут же перекрестилась. Ну зачем, зачем распустила язык! Знала же: всякому человеку подспорье нужно, и неважно, храм то, гадания или заговоры. Что же она, и без того бедная, делать будет, если поймёт – нет ничего сильнее человеческой воли! Нет, не надо Катерине то знать.

«Дура, – обругала себя Акулина. – Страху задарма напустила!»

Вовремя они остановили разговор – как раз Радьки вернулись в хату, Хрыстя с прочими детьми и заматеревший за годы Андрей, мужик что надо – готов хоть ночью в баню зайти, если там черти во главе с банником бушуют.

– Баб Кылына у нас побудеть, – сказала Катерина, готовя стол к ужину. – Может, поможет.

– Хай Бог помогаеть, – заговорил Андрей. – Здравствуй, баб Кылыно!

– Здравствуй, – Акулина кивнула.

Сели за стол, подождали, пока Катерина накроет, принесёт недожаренные пироги с капустой под строгим взглядом Хрысти, затем достанет из печи борщ, разольёт по мискам, поставит рядом пару крынок с молоком и сама усядется с

молчаливого дозволения старших.

Акулине, как гостье, подали первой. Она поблагодарила и принялась есть, быстро и жадно, чтоб хозяева не подумали, будто ей не по нраву. Вкусно было у Радьков, как и в любой семье, где готовили много и сытно, а самое главное – и в еде не плавали наговоры и ворожба. Единственная её капля теплилась в алых бусах Хрысти, только те Акулина сама заговаривала на удачу, чтобы в мазанке всегда всё было дружно и славно.

Криво, видать, заговорила.

Вечер подкрадывался в хату вместе с прохладой. Со двора долетали отголоски песен:

– Жито-житочко, ой, вродись,
Встань, зерно, среди полей,
Ой, до сонца потянысь
В радость матинке-земле.

А ведь завтра рано вставать и идти на поле, снова собирать сокровища среди сорняков, отбрасывать совсем уж злые травы и слушать, как шепчутся бабы, мол, не было вчера её дома, значит, ночевала у чужаков – хотя что ей до них? Пусть чешут языками, она-то уже не девка, чтобы пугаться позора.

Когда багрянец заиграл на стенах, стали готовиться к вечеру. Младшие дочери просились сходить к подружкам, но Хрыстя была непреклонна:

– Не надо вам ночами ходить. После, после отпущу.

Все понимали: «после» – когда умершая Ксанка перестанет биться в окно и выть под прикрытыми створками. А старшие Радьки меж тем залезли на полати, младшие – заняли лавки и растянулись на полу. Акулину положили у окна, знамо зачем. Все ждали от неё чуда, заговора или проклятья, чтоб Ксанка сгинула наверняка, только прогнать мавку много ума не надо – куда полезней узнать, зачем ходит. Никогда ещё в Терновке не бывало, чтоб она кружила рядом с неназванной невестой, не пыталась украсть до того, как Катерина и так окажется меж жизнью и погибелью.

С этими мыслями Акулина провалилась в дрёму, сжав в ладони горстку полыни. Стихли песни, застыла безлюдная церковь, прохладный ветер шевелил травинки и ласково касался цветов. Едва засеребрилось сине-чёрное небо, деревня потонула в густой мгле. В такие ночи непременно что-то да происходит – пляшут за околицей черти, проснувшиеся русалки, безобразничают ведьмы, выпивая молоко у коров и, дразня коз, уводят детей потерчата, что мечутся у болота за полем. В такие ночи как раз встают из могил неупокоенные мертвецы и приходят мавки, желая то ли людской крови, то ли самого простого веселья – а ведь нет ничего веселее, чем до смерти напугать добрых людей!

До первых петухов оставалось всего ничего. Акулина ворочалась, жалея усталый хребет и затёкшие локти. Признаться честно, она надеялась, что Ксанка явится побыстрее и не заставит её спать на твёрдой лавке до самого утра. Чтобы хоть немного размять кости, приходилось подрываться ещё с позднего вечера, как только соломенные крыши потонули во мгле.

«Ну где ж ты бродышь-то, нечиста? – ругалась Акулина на Ксанку. – Приходы уже, та и пойду домой!»

Эх, сейчас бы на родные полаты, на покрывало из козьей шкуры, подаренное когда-то Митькой-куркулём за спасение от упыря, вставшего по осени. Растянуться вширь – и хорошо! Не надо сгибаться и стучаться о твёрдую древесину.

Когда Акулина утратила всякую надежду и мрачно подумала, что Ксанка не явится, за плетнем что-то зашуршало, а затем вой, протяжный, нечеловечий, пронёсся со двора по всей хате, заставляя креститься и Хрыстю, и Андрея, и Катерину, и прочих выводок.

«Явилась! Ото радость да напасть!» – Акулина изо всех сил постаралась не улыбнуться и скрыть облегчение. Теперь всего ничего – прогнать Ксанку и отправиться к себе. Да, страшно, опасно, там ведь и прочие бродят – только целую ночь на спине ещё тяжелее, потом ведь не разогнётся. А зав-

тра – поле, огород ещё...

Акулина сжала покрепче пучок полыни. Пусть попробует сунуться – мигом получит в лицо и как зайдётся в травяной горечи и ужасе! Будет ей праздничек раньше Купалы. Отхлестать бы дурёху осиной и крапивой, чтоб знала, как честной народ пугать!

– Ой, жура-журавочко,
Ой, де ты, мылый мой?
Завитала мавочка —
Выйди-выйди, спой!

Никогда раньше Ксанка не пела так ярко и живо, никогда её голос не надрывался от трелей – видать, Лесовик да сестрички научили, больше некому. Хрыстя, не будь дура, уже залепила мальчонкам и мужу уши воском, а сама перекрестилась и села у порога – сторожить и не пускать.

Акулина привстала едва слышно, приоткрыла створку ровно на один палец да быстро-быстро заговорила:

– Где трава росла задом наперёд, где мёртвый с живым за руку ходыл, где вороны по-людски говорить, где жива вода с мёртвой мешаются, там пень из стали, а под ним – твой дом. Вот иды туда, а до живых не лезь!

И сыпанула полынь прямиком в лицо Ксанке. Та отскочила, зашипела, завывала протяжно:

– Агу-у-у! Агу-у-у! Лихо, сестрички, лихо мне! Обидой

по живому сердцу пройшлись, а после не хотят ни видеть, ни знать, очи воротят, в домах запыраются – как тохда, как тохда!

И бросилась за оплеть, перепрыгнула да побежала по деревне. Акулина невольно перекрестилась, вознося хвалу ночи, что та не позволила увидеть уродливые внутренности. Хватило и бледной тощей руки! Только о чём она говорила? О лихе, об обиде? Уж не обидела ли Хрыстя или Катерина Ксанку? Не ворожбой, не проклятьем – злым словом, суровым взглядом или кривотолками. А вот это она и узнает! Зря, что ли, ворочалась да терпела боль в спине?

– Ну. – Акулина встала и обвела строгим взглядом хату. – Кто Ксанку обидел? Не приходить мавки к чужим просто так!

Катерина снова кинулась на колени и, плача, принялась кричать:

– Не я! Не я! Землю жевать стану да на кресте клясться!

Хрыстя легонько помотала головой, Андрей лишь почесал затылок и хмыкнул. Радьки помладше пожали плечами, мол, не знаем, о чём ты.

Акулина села на лавку, призадумалась. Ксанку привезли из Красного Гая, соседней деревни. Родни в Терновке у неё не было, кроме Ковалей. Если Радьки ни при чём – значит, спрашивать с них. Только не стала бы Дарья невестку в могилу сводить, а если попыталась, так о том вся Терновка уже говорила бы. Может, Богдан бил? Э, надо бы с ним потолко-

вать, с муженьком ненаглядным!

Нахмурившись, Акулина привстала – и тут как треснуло в хребте! Вот и аукнулась ночка на твёрдом! Придётся теперь заговорённую в полнолуние воду к пояснице прикладывать да крапивой тереться, отгоняя хворобу. Тьфу!

– Ну не вы так не вы, – спокойно сказала она. – Пора мне. Спасибо за кров и пироги. Здоров будьте!

И шагнула в объятья непроглядной ночи, такой, что собственной руки не видеть – лишь иди по памяти и не позволяй нечистой силе сбить с дороги, а как встретишь кого – неважно, соседа или попа Михайла, – сразу показывай дулю и крест. Все честные люди нынче спят, себя не помня.

Останавливать Акулину никто не решился.

* * *

Много ли мужику надо, чтоб жену побить? В Красном Гаю вон муж жене граблями хребет перебил так, что и тамошняя ведьма, Прасковья Одноглаза, не сдюжила. Проводили молодку к предкам, отпели как надо и позабыли. Хаживала она к нему ночью или нет – Акулина не знала.

Отоспавшись да потрудившись на поле до прихода полудницы, Акулина вернулась за околицу и нос к носу столкнулась с Грицем Ковалем, что шёл из своей кузни ни живой, ни мёртвый – бледный, с потупившимся взором, а руки – руки-то! – прежде крепкие, широкие, вовсе плетью повисли.

– Здравствуй, Гриц, – тихо бросила ему Акулина и прошла мимо.

Тот судорожно перекрестился и зашептал молитву. Вот ведь до чего нечисть доводит! Оно и ясно, как Божий день: ночами не высыпaeшьcя, а днём надо железо гнуть, пока жена за скотиной смотрит и сорняки из земли выдёргивает.

Следом за ним вился обеспокоенный Богдан, ещё бледнее. Очи совсем запали, обросли синяками, как у последнего пропойцы. Только никакая жалость не царапнула рёбра Акулины – схватила она за шиворот и потащила в сторонку, подальше от людa и от Грица.

– Бил Ксанку? – прошикала тихо-тихо, да так, чтоб наверняка понял: соврёт – себе же хуже сделает. – Гонял по огороду, таскал за косу?

– Ты што, баб Кылыно! – возмутился Богдан. – Жили душа в душу: днём порознь – вечером разом. Я ей калину носыв с листочками, а она... – И тут его лицо сделалось таким мечтательным, таким сияющим, что Акулина невольно поджала губы и разжала свои руки – морщинистые, но цепкие.

– Говорыла, обиду ей в сердце положили, – сухо произнесла она. – Если не ты, то кто?

– Она вялою стала недавно, – задумчиво заговорил Богдан. – Я ей калину – а она нос воротеть, говорить до меня, што не надо, не хочется. В церкву на кажную службу ходила, после перестала. А я до ней, а она – от меня!

Страшная мысль пронеслась в голове Акулины да там и

затихла.

– Ступай с Богом, – махнула рукой на Богдана, а сама отправилась в хату – на травах гадать да домового спрашивать, может, подскажет чего.

Знамо дело: если девка ходит хмурая, от мужа чурается, как от проклятого, и утопает в молитвах – значит, либо прокляла-таки Прасковья по чужой просьбе, либо полюбила другого и не хочет больше белого света видеть.

Вернувшись в хату, Акулина поставила под печь молока с кровью и громко сказала:

– Дидо-дидо, иди сюда! Угостыся!

А сама стала глядеть: жадно начнёт лакать и стучать, чтоб дала ещё, то-таки Прасковья – чтоб ей одни падальщики снились! – а если сделает глоток-другой и затаится, то нет там ведьминого следа – только боль, пожирающая сердце.

За печью слышалось лаканье: глоток, второй – и всё! Наступила тишина. Ох, плохо дело! Хлопцев-то в Треновке много, а как найти того самого? А если то не из местных, а заезжий солдат или кто-то из Красного Гая? Ищи – что ветер в поле! Хлопцу-то не много надо, чтоб девку обидеть или след в сердце оставить, а она потом ночами не спит и сжирает себя, не видя ни солнца, ни Бога. К Прасковье, что ль, идти да просить, чтоб погадала на козых костях? Ну нет! Эта и нагадает, и спросит потом, и хорошо, если своих чертей не пришлёт, что под юбкой вьются.

Акулина разложила травы, посмотрела на полынь и кра-

пиву, повертела в руках пижму и еловые ветки, напрягла память, вырывая оттуда куски воспоминаний, связанных с Лесовиком-господарем. Обижала ли она его когда-нибудь? Нет. Носила ли дары? Бывало. Стало быть, в милости не откажет, разве что погрохочет на весь перелесок и попугает, проверяя, крепка ли её воля. Ну то ничего, то пережить можно. Главное – до Ксанки добраться и разузнать, кто её обидел и почему она вьётся вокруг Ковалей и Радьков.

Не так-то просто поговорить с мавкой, особенно если та затаила обиду на род людской. Акулина решила переждать до следующих сумерек – нынче уже поздновато готовиться, да и ждали её под вечер в хате казачки Леськи, где, по слухам, черти безобразничают: в печь забрались и не хотят вылезать. Ну то дело нехитрое: перекрестив их осиной да получив куриную ногу и четыре яйца как плату, она с облегчением вернулась в хату. Ещё бы: хворая спина разболелась люто, будто сглазил кто.

«Не девка уже, штоб на твёрдом лежать», – ругалась на себя Акулина. Не захотела стеснять и обижать хозяев – так возись теперь с заговорённой водой и карабкайся на полати со стенами. Были, правда, другие способы – хоть к Прасковье на поклон иди, хоть в город поезжай мимо оврагов да перелеска, если нечисть пустит. Только Прасковья, пожалуй, получше будет.

Доходили до Терновки слухи, будто царь их, Лександр, дружбу с бесами завёл, и бесы ему шептали в уши, отчего всякая хвороба берётся и как с ней бороться, и каждого беса царь разослал по городам, велел люду к ним хаживать да у них только и спрашивать, только нельзя, нельзя ведь честно-му человеку к ним! Грех то – во внутренностях копаться да Божью немилость на плечах тащить. А она – что крест гол-

гофский!

Поохав, Акулина забралась на печь, укуталась в одеяло и принялась наговаривать:

– Прийды-прийды, сон, ложися рядом, лежи, как трава на земле, как жито у поле, как крест на груди, да тут и останься, пока солнце не встанеть.

Начитывала-начитывала – а после сама не заметила, как провалилась в тягучую дрёму, что понесла её меж землёй и небом, туда, где одни ангелы хаживают да добро засевают, что тот ячмень.

* * *

Налилось солнце, как яблоко по осени, царапнуло боком верхушки перелеска. Акулина поджала губы: нельзя идти к мавкам хмурой, а как иначе, если поутру в поле с больной спиной, а затем то береги занести, то кур заговорить, чтоб неслись лучше, то порчу отыскать да закопать в землю. Ни продыху, ни покоя, ещё и Михайло наругал, что в церкву давно не ходила, на иконы не глядела, у Бога благодати не просила, а ведь то тоже большой грех.

Наспех ополоснув лицо, Акулина взяла свитку с вышитыми внутри крестами и веточками полыни, чистую, светлую. Затем завернула в полотно заготовленные дары: багряные, малиновые, зелёные ленты, что девки на Купалу надевают,

свежий хлеб, мёд, засушенные головки маков, ромашек, прибавила охапку проса. Осталось самое страшное в хате.

Акулина шагнула к красному углу и бережно, будто боясь обжечься, подняла белоснежное полотнище, под которым прятались иконостасы, не видящие и не ведающие происходящего в хате. Она трижды поклонилась Богородице, Христу, а затем повернулась к Святому Николаю, облачённому в золочёные одежды, и заговорила шёпотом:

– Святой Мыколо, защити меня от лыха всякого, от духов, от мёртвых и от живых. Как солнце в сумерках купается, как вода в крынице серебрится, так и я йду, с Божою силою, с травой, с оберегами – и пусть все беды мимо пройти, как проходить морозы по весне та по лету.

И вышла из хаты, не оборачиваясь и не разговаривая ни с кем по пути – лишь продолжала шёпот:

– Мавки-мавки, сёстры лесные, сёстры ясные, примите ленточки и травы, отгукнитесь, Ксанку-Ксаночку приведите, штоб кружила, как духи в поле кружать.

Тут – как проклятье Прасковьи на поседевшую голову! – вырос из ниоткуда Гриц Коваль, встал посреди дороги, зыркнул недобро на Акулину. Она замолкла и пошла в сторону, надеясь обойти, а Гриц за ней да снова встал поперёк. Ай, дурень! Весь заговор сорвётся – и собирайся завтра, заново дары готовь! Вот ведь голова неразумная.

– Не ходы до них, – заговорил Гриц. – Совруть, сожрут, а как мы без тебе?

О как запел! Вёснами и вёснами никому не было дела до Акулины, до жизни её, до спины больной. Беда какая – справляйся, баб Кылыно, сама, ты ж знахарка, тебе виднее, а лучше к попу сходи да покайся, тогда и попустит. А тут вдруг такое любопытство нежданное, будто кто подговорил – а может, сам догадался.

Акулина окинула его мрачным взглядом, прищурилась, покрепче сжала дары. Ничего, и у неё найдётся средство от глупого мужичья! Недолго думая, она продолжила заговор, только шипяще, по-змеиному, ласково – для нечисти, гадко – для прочих:

– Мавки-мавки, сёстры лесные, сёстры ясные, примите ленточки и травы, отгукнитесь, Ксанку-Ксаночку приведите, штоб кружила, как духи в поле кружать, а того, кто дорогу мне переходить, кто стал посреди да не сходит от ней, сдуйте ветрами, стоните, как гонять гроза тёмные тучи.

И точно: подул ветер, послышалось отовсюду весёлое «Агу-у-у! Агу-у-у!» – и побледневший, как поганка, Гриц, попятился за чужой оплеть, заколотил изо всех сил в дверь мазанки, надеясь переждать бурю. Акулине до него дела не было – развернулась и пошла дальше. Сведут в могилу – значит, такова доля, нечего было под руку лезть. Его же, дурня, семью спасает!

А перелесок ждал её – подстилал под ноги тропы без веток и колючек, вёл короткой дорогой, не через поля, а сразу к речке, оттуда – в объятья деревьев, зелёных, раскрывших кроны ещё месяц назад. Заполонила листва небо, запрятала его, оставив лоскутья закатного света, что растекался то ли ягодным соком, то ли кровью, нечистой или пролитой силой, недобрым умыслом.

Акулина размотала узелок, разложила на пне дары, продолжая приговаривать:

– Мавки-мавки, сёстры лесные, сёстры ясные, примите ленточки и травы, отгукнитесь, Ксанку-Ксаночку приведите, штоб кружила, как духи в поле кружать. Надо мне спросить у ней, узнать, кто обиду в сердце положил, штоб обидника на честный суд отдать.

Килина учила, что нужно ещё сплясать вокруг пня, повеселиться да покружиться с хохотом, чтобы мавки наверняка пришли. Да где ж тут покружишься, когда по хребту волна боли нет-нет да течёт, жжётся у шеи, обвивает поясницу. Э-э, нет, ей бы до дома доползти после всего – уже будет славно!

«Колода старая», – Акулина с трудом удержалась от того, чтобы не цокнуть языком, лишь губы зло пожевала, тоскуя о минувших вёснах, о купальских кострах, когда летаешь птицей по полям и дворам и не трогают тебя ни боли, ни кусючие хворобы.

Такими ей и явились мавки, разодетые в снежные рубахи с зелёным шитьём – знаками леса, да не того, где ступает че-

ловек, а той неведомой чащи, сокрытой от всяких очей. Говорили, бегают там наравне с нечистью зайцы в серебряных шкурах и олени с рогами из золота, а в середине прячется луг, где пасутся овцы Илии-пророка, что и всякую скотину любил, и молниями с неба сыпал, когда гневался.

Мавки стали отплясывать да расходиться вправо и влево, прихватывая дары: то ленточку, то зёрнышко, то ромашку или мак. Наконец за ними показалась Ксанка, что была бледнее прочих, а в глазах её переплелись застывшие печали и страх – такой, который ведом каждой девке, от распоследней крепостной до белолицой панночки, хотя их Акулина никогда не видела – лишь слушала, что редкие заезжие рассказывают.

А Ксанка встала напротив неё – и зазвенел тонкий голосок её по всему перелеску. Задрожали еловые, дубовые и берёзовые ветви, вслушиваясь в чужое горе, да и осина не сдержалась – зароптала. И чем больше вслушивалась Акулина, тем сильнее понимала: не зря Гриц перегородил ей дорогу, ой не зря!

Отгуляли свадьбу, сняли с чела Оксаны маковый венок, положили молодых на простыню – и было так больно, так невыносимо, что, казалось, она вот-вот помрёт. Делать нечего – надо терпеть. Зато наутро все соседи радовались и разносили счастливую весть, а свекруха, Дарья Коваль, улыбалась и хвалила невестку:

– Не с нашего села, да себя сберегла!

С тех пор покатилась жизнь в чужом доме, тоскливая, но терпимая. Свекруха не кричала почём зря, не валила на плечи Оксаны лишнюю работу, сама помогала, уча, как надо тесто ставить, какой наговор сказывать. Мать-то иначе делала, и всё у неё выходило вкусно, только свекрухе перечить себе дороже. Новая хата – новые порядки, и не Оксане над ними хозяйничать.

Отработав в поле, она бегом-бегом вернулась – еду готовить да огород ещё прополоть надо, большие некому: Богдан с отцом в кузнице, свекруха в хлеву со скотиной возится. Переступила через порог, увидела свёкра, бросила, поклонившись:

– Здравствуйте! – и побежала к печи, к мискам, думая: «Похлёбку ли сварить, а может, лучшие пирогов? Не зря ж вчера тесто ставылы!»

Суетясь, Оксана не заметила, как Гриц подошёл сзади –

а когда уловила дикий взгляд, прожигающий спину, вздрогнула, подавила желание перекреститься и вернулась к похлёбке, решив не трогать тесто, а то свекруха ещё скажет, будто не так напекла и не то мясо выбрала.

«То не страшно, – говорила себе, ощущая, как бегают по ней чужие очи, злые и колючие, – хай глядыть, што делаю, а то будет говорить, што ленюсь да лежу днями».

«То не страшно», – повторяла изо всех сил Оксана, слыша, что свёкр встал в шаге от неё и собирался подойти ещё ближе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.